

Катарина Херольд-Цанкер

(Katharina Herold-Zanker) — старший преподаватель литературы и театра Даремского университета.

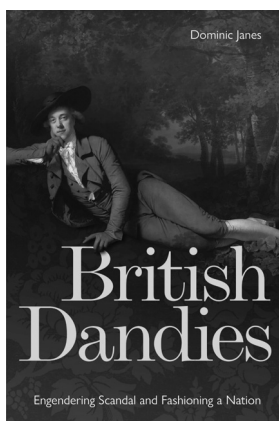
В настоящее время работает над книгой «Неизменный Восток: ориентализм в декадентской литературе 1880–1920 годов».

Британские денди: скандальные бунтари и законодатели моды

Рецензия впервые опубликована в журнале Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture (опубл. онлайн 13 октября 2022)

В книге «Британские денди: скандальные бунтари и законодатели моды» Доминик Джейнс прослеживает эволюцию мужской дендистской культуры в Великобритании с XVII по начало XX века. В своих многообразных исторических проявлениях денди, как читатель узнает из книги, внушали благоговение, смешанное с отвращением. Денди,

которых любили и боялись за их индивидуализм, умело подрывали социальный порядок и «представляли собой угрозу единству нации» (с. 9). В шести главах автор прослеживает развитие современного культа «я», даже в своих исторических вариациях движимого пристальным вниманием к собственной наружности и стремлением добиться признания в обществе. Джейнс анализирует, как одежда изображена в живописи, графике и литературных источниках разных эпох, и рассказывает историю

Janes D. British Dandies: Engendering Scandal and Fashioning a Nation.
Oxford: Bodleian Library, 2022

дендизма как историю воздействия на общество. Он определяет денди как «мужчин, которым нравится, когда на них смотрят» и отмечает параллели, например, между денди XIX столетия и такими представителями культуры XX и XXI веков, как тедди-бои, хипстеры и инфлюенсеры. Мода, как следует из книги, всегда была и остается политическим высказыванием.

Из первой главы читатель узнает о родословной понятия «денди», к разновидностям которого можно отнести «фатов», «франтов» и «макарони» — все они ассоциировались с «неанглийскими» вкусами. Например, появившееся в георгианскую эпоху слово «макарони» (употреблялось по отношению к мужчинам со странными кулинарными пристрастиями, в том числе к итальянской пасте) долгое время обозначало вызывающую насмешки инаковость, вплоть до олицетворения всего иностранного и потому чуждого, каким британские денди стали в XIX веке. Далее следует краткий рассказ о некоторых ключевых для истории дендизма фигурах, таких как Гораций Уолпол, Джордж Брайан Браммелл, известный как Красавчик Браммелл, и Оскар Уайльд. Эпизоды их биографий рассыпаны по всей книге — автор то и дело обращается к ним, поэтому истории такого рода объединяют разные главы. Последние три главы посвящены дальнейшей трансформации образа денди: от экстравагантных щеголей XVIII века, презрительно именуемых «макарони», к воплощающим контркультуру надменным, элегантно сдержанным денди XIX столетия, а затем — к облаченным в костюмы-тройки андрогинным мальчикам 1920–1930-х годов, когда считалось, что дендизм неразрывно связан с гомосексуальностью. В начале XX века присущее денди женоподобие стало ассоциироваться и с пацифистским движением. Дендизм приобрел черты подлинного политического протеста против набирающей силу фашистской диктатуры, присвоившей себе право решать, каким может или не может быть мужчина.

Женоподобие оказалось главной проблемой британских денди, подвергавшихся насмешкам в прессе («Для Британии было особенно характерно повышенное внимание к женственным мужчинам, поскольку мужская доблесть считалась частью национальной идентичности», с. 95). На протяжении веков британские денди оставались объектом нападок, восхищения и преследований, потому что нарушали принятые в обществе нормы. Автору удалось показать, какой огромный сдвиг претерпели различные гендерно маркированные атрибуты с XVII века, когда аристократы обоих полов отдавали предпочтение пестрой, вычурной, «женственной» и легкомысленной

одежде, указывавшей на их социальное или эротическое превосходство. Однако XVIII век стал переходным периодом, четко разграничившим мужскую и женскую моду. Затронутая Джейнсом проблема гендерной неопределенности актуализировалась в связи с фигурой денди, подрывавшей заданную норму, которая все настойчивее диктовала британцам — мужьям и отцам — «стремиться к умеренности, отвергая вычурность и театральность» (с. 23). В результате мода стала областью женских интересов. Отныне мужчина, равнодушный к моде, «посягал на женскую сферу влияния» (с. 24). Автор также останавливается на стирании гендерных норм и практиках кросс-дрессинга, дополняя обсуждение проблемы гендера, вокруг которой выстроена книга.

Намеренная игра с атрибутами обоих полов противоречит утверждению, что денди — «слабые мужчины, лишённые мужских качеств и пытавшиеся компенсировать их нехватку одеждой» (с. 9). Нередко такие мужчины осознанно пользовались очередным раздутым прессой скандалом, чтобы привлечь к себе внимание, например добавить популярности своим произведениям, как подробно показано в пятой главе. Исследователям творчества Оскара Уайльда эта глава, содержащая обширные архивные материалы о внешних проявлениях декадентского дендизма писателя, доставит огромное удовольствие.

Третья глава выделяется как наиболее аналитически глубокая во всей книге. В ней рассматривается сложный «симбиоз» комического театра, газетной сатиры и дендизма, характерный для георгианской эпохи («С эпохи Реставрации комический театр и разные формы дендизма существовали практически на взаимовыгодных условиях», с. 34). В этой главе Джейнс подробно анализирует пьесы «Юная особа» (1747) Дэвида Гаррика и «Макарони» (1773) Роберта Хичкока. Эти тексты, равно как и реакция на них в прессе и других литературных произведениях, наглядно иллюстрируют проявления дендизма не только в повседневной жизни, но и на сцене. Подкрепляя свои доводы скрупулезным анализом текстовых и визуальных источников, Джейнс указывает на опасности, таившиеся в символике гомосексуального и любого «девиантного» желания в середине XVIII века, когда дендизм ассоциировался с содомией. Взгляд автора задерживается и на коллекции так называемых гравюр макарони, принадлежавшей Уолполу. Пародийные изображения экстравагантного одетых представителей светского общества показывают, какой популярностью пользовались подобные картинки и вместе с тем какой риск им сопутствовал (в них «угадывались недвусмысленные квир-коннотации», с. 53) и какой ущерб они могли нанести.

Подразумеваемая гомоэротическая (а значит, запретная) природа этих изображений подчеркивает вызывающую беспокойство связь дендизма и агрессии, направленной против не вписывающихся в норму проявлений маскулинности, которые противостоят принятым представлениям о мужской доблести, впоследствии нашедшим отражение в образе Джона Буля. Книга приобретает особую глубину, когда Джейнс размышляет о шатком положении денди как маргинальной фигуры, слишком часто служащей мишенью для насмешек — на сцене, в прессе, а порой и в зале суда. Когда речь заходит о XIX веке, становится особенно очевидно, что денди все чаще воспринимали как «паразитов на теле общества» (с. 81). В лучшем случае денди презирали как выскочек, а после процессов над Уайльдом их попросту не причисляли к британцам (с. 111). К тому же из-за патологических сексуальных предпочтений дендизм стали воспринимать не как выражение сомнительных вкусов, а как разновидность социальной и биологической аномалии.

Автор убедительно прослеживает историю дендизма от макарони георгианской эпохи до эстетизма конца XIX века, а вместе с ней и родословную денди от Красавчика Браммелла до Байрона и от Уайльда до Ноэла Кауарда, однако порой этим широким мазкам недостает конкретики. Более избирательный и глубокий анализ разломов, высвеченных дендизмом в формирующемся чувстве «британскости», помог бы читателю осознать двойственность этого явления и посмотреть на него с других точек зрения. Получается парадокс: книга, посвященная несоответствию норме, построена так, что утверждает линейный пересказ истории. Внимательное сопоставление с французскими, итальянскими, а то и незападными, не относящимися к европеоидной расе или даже современными примерами дендистской моды (см., например, книгу Шантрель П. Льюис «Лев-денди: чернокожий денди и уличная мода», Lewis 2017) дало бы возможность более критического подхода к этой очень непростой теме. Читателям было бы любопытно узнать больше о таких чувствительных темах, как гомосексуальная фетишизация носящих форму солдат-денди в армии, гермафродитизм и восприятие фигуры денди с расовых позиций, не говоря уже о проблематичной склонности приписывать Востоку изнеженность как способе отчуждения. Все эти вопросы нарушали предполагаемое единство британских ценностей (если о нем вообще можно говорить), но читателю хочется заглянуть глубже их внешних, поверхностных аспектов. В книге имеются блистательные аналитические пассажи о гравюре Джорджа Крукшенка «Суд по-китайски в Брайтоне!!» (*The Court at Brighton á la Chinese!!*, 1816,

с. 73), любви лорда Байрона к ориенталистской повести Уильяма Бекфорда «Ватек» (с. 80) и страсти Уайльда ко всему японскому (с. 89), что открывает простор для дальнейших изысканий.

В целом книга достаточно подробно рассказывает, как менялся мужчина-денди, а вместе с ним — представления о мужественности и «британскости». Эта работа, затрагивающая множество тем и ставшая результатом масштабного научного исследования, качественно издана и дополнена прекрасными иллюстрациями. Читатель почерпнет из нее обширные сведения о культурной истории дендизма в Великобритании. Книга написана доступным языком, поэтому будет интересна не только специалистам по истории культуры и моды, но и широкой аудитории.

Перевод с английского Татьяны Пирусской

Литература

Lewis 2017 — Shantrelle P. Lewis. Dandy Lion: The Black Dandy and Street Style. 2017.